

Вторник, 24 сентября 1996 года

Веч. Москва. — С. 2

ВЕЧЕРН

Лидия Либединская уверяет, что 24 сентября к ней нагрянут 75 лет. Чего только не бывает! Признание литературного дара Лидии Либединской предоставим литературоведам. Я же хотел бы сказать нечто краеведческое: о прелестной достопримечательности Москвы — Лидии Борисовне.

Человек, умеющий любить, достоин любви. Знали бы вы, как она обожает Москву! Впрочем, это мы могли понять из опубликованной в «Сударушке» ее рукописи «Годов минувших свиток». Говорю не по случаю юбилея, такого нежного повествования о нашем родном городе мне довелось читать не часто.

А уж слушать, как она рассказывает, — это чистое наслаждение. Причем, как всякий щедрый, талантливый человек, она не ждет, когда ее начнут умолять о чем-нибудь поспоминать. А вдруг сама начинает припоминать, и Москва населяется неповторимостью и людьми, украсившими наш город, да и нашу так нуждающуюся в том жизнь.

Лидия Борисовна, нечего отпираться, в терапевтическом смысле не слишком преуспевает, но я ее вижу вечно куда-то идущей, куда-то едущей и даже летящей. То ли у кого-то родился ребенок, то ли у кого-то скончался близкий человек, то ли книжка у кого-то вышла, то ли просто хочется повидаться. И на юбилей ушедших от нас — будь то Блок или Цветаева — она спешит все по тому же желанию верного сердца. Как любит она приговаривать: «Пока ходишь, надо ездить».

Не сказать, чтобы писатели очень уж лелеяли друг дружку. Но о Лиде Либединской даже сумрачные завистники говорят с уважительной лаской. Либединская их, плохих, правда, близко не очень-то подпускает, но ведь и издали видеть, что она за человек. Возле нее и плохому хочется быть хорошим. Что тоже на пользу всем нам.

А еще она меченная Богом жена. Я, пожалуй, не знаю столь неповторимого признания в любви: «У нас с Юрием Николаевичем даже писем не осталось... Писем не было, мы всегда были вместе».

Я, видимо, и не знаю другого такого верного человека. Но это распространяется, нам на радость, не только на огромную либединскую семью, но и на всех, кто имеет честь быть ее другом. Хотя, впрочем, это чувство приходится и на вовсе незнакомых, но нуждающихся в помощи людей. Вот уж кто поистине последнюю рубашку отдаст! Нет, это я не в силу красивой поговорки, а буквальной истины ради.

Откуда она такая? Да из семьи своей! Всех не перечислишь, но бабушку надо обязательно упомянуть. Нина Алексеевна окончила с золотой медалью заведение Святой Нины в Тифлисе. Дворянка в поблескивающих стеклышками пенсне была задвинута чудовищными временами со всей ее семьей в коммунушку, которую выделило почему-то никому не ведомое «Общество возрождения Китая».

Вот эта бабушка ввела маленькую девочку в русскую культуру. От «надо обязательно делать добро, но не надо ждать за это благодарности» до «в России все от Пушкина». Умели эти дворянки, привыкшие к хлебу «от Филиппова», к колбасе «от Елисеева», к сапожкам «от Мюра и Мерилиза», стойко встречать обрушившуюся на них судьбу, да еще благодарить при этом жизнь за то, что она, жизнь, прекрасна, несмотря ни на что, и даже вопреки. И потому Лидочка играла в детстве «в декабристов», хотя и училась в одном классе с Васей Сталиным, сыном очередного вождя мирового пролетариата.

Из «бывших» она, наша юбилярша, то бишь из Толстых. Да, тех самых — «из львов-николаевичей». Вот так-то! Когда семнадцатилетняя Л. Толстая (в девичестве) принесла

свои первые вирши Михаилу Аркадьевичу Светлову (друзья семьи устроили эту литературную консультацию), маститый лукаво ухмыльнулся: «Старуха, так это ты Льва Толстая?». И крепко подружились на всю жизнь: молоденькая русская графинюшка и еврей из нищей семьи.

А знаете, ну что вам мои сентиментальные словеса! Давайте лучше я приведу вам наш недавний разговор.

— Лидия Борисовна, философы в какой-то момент обычно начинают капризно философствовать: «А стоило ли жить?».

НЕЮБИЛЕЙНОЕ

А жить-то стоило!

— Хорошо, что я не философ. А вы считаете, что в 75 лет уже пора над этим задуматься?

— Я вовсе ничего не спрашивал о возрасте.

— Возраст скрывают только неотождествленные женщины, которые чего-то в жизни недобрали — любви, например. А у меня всего этого было полно.

— То есть жить все-таки стоило?

— А как бы я тогда народила пять дочерей, а к ним впридачу четырнадцать внуков и шесть правнуков? Откуда бы они взялись?

Жить стоило и ради того, чтобы иметь счастье узнать столько замечательных людей.

— А кто был самым красивым человеком в вашей жизни?

— Арсений, конечно, Тарковский. Помню, мы встретились с ним на Тверской в октябре 41-го года. Он был в потрепанной военной форме, но такой прекрасный! Он был настолько завершенно красив, что мне даже в голову не приходило в него влюбиться. А душа у него была еще красивее. Вот ведь Бог одарил!

— А самый добрый человек?

— Не один человек, а вся семья Бруни. Семья замечательного художника Льва Александровича Бруни говорила: «У нашего папы 18 иждивенцев». Он ведь своих семерых воспитывал, да еще и детей погибшего в лагерь брата. А заодно в двух своих коммунашках коммуналки приютил и монашек из разоренного монастыря. Да только чтобы полюбить семью Бруни, стоило жить.

— А самый отчаянный в вашей жизни человек? Даже, точнее, самый независимый в жуткие поры.

— Да у нас в классе все мальчики такие были. Из 18 с фронта не вернулось 16. Если бы такие, как они, выжили, думаю, наше общество давно б другим стало.

Светлов был очень независимый. Помню, прислали ему пригласительный билет на встречу творческой интеллигенции с Хрущевым. Не пошел: «Я не хочу туда, где могут оскорбить поэта!». Слово заранее знал, ка-

кое хамство там всех ждет.

А вот кто был совсем уж отчаянный, так это академик Лев Александрович Зильбер. В молодости увозил женщин на тройках, на дуэлях дрался. Трижды сидел в лагерях. Говорил: «В лагере меня спасали только воспоминания о моих женщинах». Кстати, в лагере же он написал свою гениальную вирусную теорию. Свобода, она, знаете ли, внутри человека, а не снаружи.

— А самый талантливый?

— Из тех, кого я знала, конечно, Борис Леонидович Пастернак. Только он был не талантливый, а гениальный. Я даже боялась на

него смотреть, он меня ослеплял. Ну поймите: смотришь на человека и видишь — гений! Это было прямо глазами видно.

Ну и, конечно, Натан Эйдельман и Давид Самойлов. У них был поразительный дар чувствовать человека, понимать человека. Они умели не только видеть всю сложность мира, но и открывать ее другим. Вообще, самое большое богатство в человеке — это щедрость души.

— А самый мудрый?

— Да все, о ком мы с вами говорили, были мудрыми.

Но, конечно, Корней Иванович Чуковский! Не прост был, ох, не прост! Его сейчас модно бранить за то, что он якобы боялся советской власти. Конечно, можно было и не бояться, особенно когда уже в лагерь запикивали. Да не боялся он, а просто мудр был, как змий, побольше нашего понимал.

Как-то мы с Маргаритой Иосифовной Алигер встретили его как раз вскорости после бесчинств на встрече с Хрущевым, где вождь самым хамским образом оскорблял Алигер. Корней Иванович посмотрел на нас и каким-то наивным голосом вслух подумал: «Глядел сегодня в телевизоре парад на Красной площади. Иметь такие пушки и так кричать на Маргариту Иосифовну?».

Ох, не прост был дедушка Корней!

— Как я понял, жить, значит, стоило?

— У вас что, на этот счет возникли предревременные сомнения?

Говорю вам с большим знанием дела: жить стоит хотя бы ради того, чтобы бродить по нашим замоскворецким переулочкам, утром просыпаться и видеть за окном вон те березки. Над входом в белоаморное кладбище над морем в Ницце выбита надпись: «Память — достоинство человека, беспамятство — его позор».

— Ну и что наградой за жизнь?

— У меня, например, даже две награды. Медаль за пятерых детей и медаль за 10 литров крови, я ведь вам не кто-нибудь, а довольно заслуженный донор. Ну разве не стоило жить, чтобы получить аж две медали?

Вот такой у нас состоялся разговор. Я очень хочу, чтобы вы почувствовали, как я благодарен Лидии Борисовне за то, что она есть. За то, что на Рождество она неизменно собирает под елкой несметные полчища детишек своих друзей. За то, что Пушкина знает до единой строчки. И за то, что живем мы с ней в одном доме, и я могу, хоть хорошо мне, хоть плохо, пойти в соседний подъезд и увидеться с прекрасным человеком.

А потом мы взяли и забыли обо всем этом, важном и даже мудром и стали просто хохотать на всякие пустяковые темы, прихлебывая кофе. А потом пошли на помойку. Вынести ведра. Мусоропровода в нашем стареньком замоскворецком доме нет. Но это не беда, все равно жить стоит.